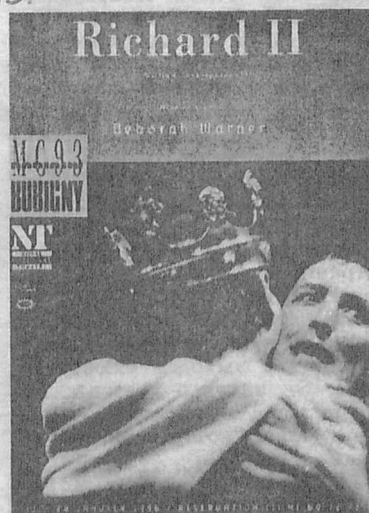

«Ричард II», или Королевские игры

Русская мысль.
Париж. - 1996. -
25 янв. - с. 15.

по Шекспиру

По сравнению с вольностями, которые позволяют себе сегодняшние режиссеры в интерпретации Шекспира, работа английского режиссера Деборы Уорнер отличается классической строгостью. В ее спектакле нет никаких прямых аллюзий с современностью: ни рэпа, ни парижских или лос-анджелесских "люберов", ни джинсов, ни мини-юбок, и даже ни одного компьютера на сцене, не говоря уже о настораживающем отсутствии хотя бы одного портрета какого-нибудь диктатора, на худой конец, просто генерала Шварцкопфа во время войны в Персидском заливе.

Складывается впечатление, что режиссер, забыв о необходимости современной интерпретации, просто взяла да поставила как есть шекспировскую хронику. Шекспировский текст играется так, как он написан, время действия — английское средневековье, во всяком случае, в костюмах и пластике персонажей создатели спектакля придерживаются исторической точности (сценография и костюмы художника Хильдсгарда Бечтлера). Декорация — узкое пространство, зажатое с двух сторон зрительями. На этих узких подмостках из деревянных брусьев и металла, напоминающих одновременно туристическую площадку и неф собора, и будет происходить действие "Ричарда II".

Спектакль начинается еще до начала самого действия, постепенно вводя нас в атмосферу другой эпохи: курится ладан, откуда-то сверху доносятся женские голоса, исполняющие литургические песнопения; по сцене ходит, поправляя светильники, служитель в длинном кафтани, а сбоку за тюлевым занавесом в свечении множества подсвечников сидят придворные, торопящиеся одеться к выходу короля. И вот — выход. Ричарда II играет любимая актриса Деборы Уорнер — Фиона Шоу. Но в этом облаченном в белое (праведник? мученик?) Ричарде нет ничего женского, вообще ничего травестийного ("Я играю не мужчину, а короля", — скажет потом актриса). Есть почти мальчишеский задор, вызов миру, словно избыток здоровой и счастливой энергии.

Ричард Фионы Шоу выходит на сцену бальном судьбы, думающим, что это — навсегда. Навсегда — его право, его воля и восторженные взгляды придворных. Среди них особенно выделяется светловолосый юноша с удивительной белой кожей и зелеными глазами, который зачарованно следит за каждым взглядом, каждым жестом Ричарда, мгновенно реагируя на все его посылки, словно некие таинственные нити связывают их двоих. Влюбленный юноша (Джулиан Ринд-Татт) — это герцог Омерль, сын герцога Йоркского, кузен Ричарда. Впрочем, король не скрывает своего пристрастия к мужчинам (не потому ли королева Изабелла с самого начала — в черном, как монахиня), и когда является на поединок другой его кузен — Генрих Болинброк, он несколько раз, с удовольствием, целует его в губы. На этом вольности режиссера кончаются, все внимание сосредоточивается на шекспировском тексте, который актеры произносят с огромным энергетическим запалом, но почти без всякой интерпретации. Почти музейно. (Почти, потому что не нужно забывать, что практически все исполнители "Ричарда" — первоклассные актеры, владеющие секретами диалога, подлинного общения, не так часто встречающимися на французской сцене.) Но вдруг в этой привычной, накатанной истории про "плохого короля" происходит надрыв. Он происходит в тот момент, когда Ричард узнает о пре-

дательстве войск и измене друзей, перешедших на сторону его противника, Генриха Болинброка. Вот только что на сцену выходил развратный, самовлюбленный баловень — но где он? Вместо него — суровый шут, отрешенный от мира философ. На вполне конкретный вопрос Омерля: "А где же герцог, мой отец, с войсками?" — Ричард вдруг отвечает: "Поговорим о смерти. О чернях..." — и далее:

Внутри венца, который
окужает
Нам, государям, бренное чело,
Сидит на троне смерть,
шутиха злая,
Глумясь над нами, над величием
нашим.
Она потешится нам
позволяет:
Сыграть роль короля, который
всем
Внушает страх и убивает
взглядам;
Она дает нам призрачную
власть
И уверяет нас, что наша
плоть —
Несокрушимая стена из меди.
Но лишь поверим ей — она
булавкой
Проткнет ту стену, — и
прощай, король!
Накройте ваши головы:
почтенье
К бессильной этой плоти —
лишь насмешка...

Так мог ответить король Лир. Прозрение о тленности, недолговечности всего земного так сильно в Ричарде, что вызывает обращение ко всему земному. Ричард

свободно отдает Генриху не только принадлежащее ему по праву наследство Йорков, из-за которого тот развязал войну, но и корону. Сцена в тронном зале, где Ричард отказывается от короны и отдает ее Генриху, — центральная в спектакле. В Болинброке, будущем Генрихе IV, как его играет Дэвид Трелфолл, нет ничего от узурпатора злодея. В нем как будто сосредоточена спокойная, уверенная в себе сила. Такой Генрих своим приходом как бы восстанавливает историческую справедливость, нарушенную Ричардом-монархом. Только перестав быть монархом, Ричард, кажется, впервые прозревает подлинную природу мира, человека. Но это позднее, "лировское", горькое прозрение. "Горький шут" — вот образ, который примеряет на себя в этой сцене Фиона Шоу. "Я отдаю вам власть, но скорбь и боль возьму себе, над ними я король". Шутство Ф.Шоу сродни ерничеству скоморохов и блаженных, словно в самоуничтожении некогда гордого монарха Ричард находит особое, ему одному известное удовлетворение.

В облике этого страдающего безумного короля проглядывают контуры будущего Гамлета и Лира (хроника написана в 1595 году, за шесть лет до "Гамлета" и за десять до "Короля Лира"). Ричарду, по сути, некого обвинять в несчастиях — он сам развязал цепочку бедствий, обрушивающихся затем на него. Во всяком случае, Генрих Д.Трелфолла смерти Ричарда действительно не желал, а при виде его трупа — скорбит искренне. И отмывать грех походом в Святую Землю — будет, как обещал. Генрих покидает сцену в слезах, облачившись в белый плащ, напоминающий тот, что носил обычно Ричард. Трагедия Ричарда, как ее трактует Фиона Шоу, не в том, что он потерял власть, а в открывшемся ему несовершенстве мира и человека. Не случайно Деборе Уорнер не нужны современные аллюзии: Шекспир ее интересует как исследователь не общества, а природы человека: много ли она изменилась за отделяющие нас от Ричарда II шесть столетий?

ЕКАТЕРИНА
БОГОПОЛЬСКАЯ

Париж

